

Тени Амиран. Черный рыцарь для неженки

Автор:

[Александра Мурри](#)

Тени Амиран. Черный рыцарь для неженки

Александра Мурри

Рориэн мечтает писать солнечные пейзажи, но ее кисть в обход воли рисует лики чужих смертей. Из-за приказа свыше ее семья переезжает в столицу – Эдембург. Здесь девушку никто не знает, и есть надежда, что на чудачку не обратят внимания. Легендарный город у моря манит молодых и талантливых миллионом возможностей и открытых дверей. Но талант Рори открыл ей лишь одну дверь. А за ней обнаружили кровавые следы орудующего в городе маньяка. Вынужденная помогать Ордену Правопорядка в расследовании, Рори с ужасом понимает, что приставленный к ней страж имеет над ней власть не только юридическую. И единственный путь в счастливое будущее лежит через доселе наглухо запертую дверь в прошлое.

Александра Мурри

Тени Амиран. Черный рыцарь для неженки

Пролог

Горный монастырь Амиран

Стражи ворвались во время утренней медитации. Выломали незапертую дверь, разбили царившие в зале тишину и покой вдребезги. Стёкол в окнах, чтобы разбить и их, не было.

В зале, где и стены, и пол, и потолок – голый камень, собрались все дети и те немногие взрослые, которые здесь работали и жили – наставники. А также сама настоятельница Ирида.

Ровно тридцать детей расположились на полу, приняв диковинные на вид, невообразимые позы. Сложенные в замысловатые фигуры пальцы для взгляда со стороны – будто сведены в судорогах, неестественно прямые спины, даже стопы ног выглядели странно вывихнутыми. Калеки?

– Всем оставаться на местах! Не шевелиться! – Выкрик от двери обрушился, как камнепад, – громко и неожиданно.

Но никто и не шевелился, даже не вздрогнул. У стражей, повидавших на службе всякое, от этой полной неподвижности и тишины волоски на теле встали дыбом.

Худая женщина, со стянутыми в узел на затылке светлыми волосами, так что голова казалась лысой, остановилась между рядами. Подняла руки. Лицо ее постепенно менялось, по мере того как она оценивала и понимала происходящее.

Черная форма орденцев Правопорядка, оружие в руках, все выходы, даже проемы под крышей перекрыты.

Дети продолжали сидеть неподвижно, ни одна конструкция из тонких пальчиков не развалилась. Они, вообще, живые? Или куклы восковые?

– Остановитесь, вы не понимаете, что творите... – прошептала побелевшими губами женщина-настоятельница. – На каком основании вламываетесь? По чьему приказу?..

У противоположной стены дернулся один из воспитателей. Неясно, что он хотел сделать: поддержать настоятельница, помочь кому-то из детей, напасть?

– Стоять! – крикнул один из стражей.

Под высокими сводами громыхнул первый и единственный выстрел. Дети, словно части одной игры, наподобие домино, один за другим как рассыпались,

разворачивались, позволяя телам принять обычные позы, и в странных этих детях стало возможным узнать обычных дышащих людей с бьющимся внутри сердцем. Мальчиков от девочек, правда, отличить сложно: стрижены наголо да в одинаковой одежде.

... Закрутилась круговерть... В официальных сводках произошедшее назвали операцией по ликвидации враждебной правящему режиму секты, устранение очага терроризма на этапе его становления. Спасение детей.

Все шло удачно. Для стражей. За сутки до начала за стену проник один из группы захвата проверить правдивость их данных об этом месте.

А вдруг? Мало ли кто и где ошибся? Пошутил неудачно? Но разведчик вернулся с подтверждением. Не в лучшем состоянии духа, глухо матерясь и выкуривая одну папиросу за другой.

Доложили Совету, еще через сутки получили приказ и, больше не медля, приступили к его выполнению. Спешили. В таком месте, вполне возможно, и жертвоприношениями человеческими не гнушались.

– Вы совершаете ошибку, вас проклянут за это потомки! – кричала настоятельница, отступая к стене и выставив руки в попытке не подпустить к себе стражей.

Дети, на удивление, не плакали и не кричали. Смотрели большими глазами на чужих взрослых и не вмешивались. Сначала.

Девочки лет от трех, мальчики чуть старше на вид и их меньше, хотя нетрудно и ошибиться... Держатся по двое. Одеты в какие-то балахоны из серой, жесткой на вид ткани, с платками и повязками на неровно бритых головах. Бледные и жилистые, с мозолистыми руками трудяг, и глаза – словно не от мира сего... У девочек. У мальчишек – пустые, как камень, а не человек, или будто вокруг для них не люди, а булыжники.

Чертовы сектанты! Ничего святого нет!

– Вы пожалеете, вы расплатитесь сполна! Мир обречен! – Настоятельница скрутили не без труда: женщина хоть и тощая, но верткая, да истерика, смешавшись с яростью, придала ей сил. – Проклинаю! Вас и Систему вашу! И Совет! Провалитесь в Бездну! Мои дети! Не дайте им себя схватить, бегите! Защищайтесь! Не давайте им!

Один из стражей, не церемонясь, кое-как заткнул ей рот платком.

Дети... Кто помельче остались на месте, кто постарше бросились или к выходу, или на стражей.

Дети против обученного отряда из здоровых тренированных мужчин... В кошмарном сне не приснится. Абсурд полный.

Скрутили их быстро. Убежать не удалось никому.

Да и куда бежать?! Куда посылала их явно сумасшедшая настоятельница? На смерть? Голые скалы да обрывы кругом.

После окончания захвата и подробного обыска стражи собрались во внутреннем дворе монастыря. Не усталые, но опустошенные. Насмотрелись ужасов за служебную жизнь, с их-то работой... Но это!.. То, что увидели в монастыре Амиран, переходило все грани человеческого. Разумного. И пугало настолько, что и те, кто раньше не курил, затягивались крепким табаком насколько возможно глубоко в надежде, что едкий дым вытравит из нутра гадостное чувство от происходящего.

Чего только не встретишь в этом чокнутом мире! И это в двадцатом веке их так называемого цивилизованного мира. В их опять же так называемом прогрессивном обществе... Где ваш хваленый прогресс, который приведет человечество к просветлению и благу? Остался в столице, вестимо!

Предстояла долгая и тяжелая дорога обратно. Да и дороги никакой сюда не вело.

Монастырь находился в труднодоступном ущелье, в полной изоляции, на высоте почти двух тысяч метров, в окружении скал и ветров.

Полное самообеспечение. На заднем дворе кое-как цеплялись корнями за скудную землю плодовые и хвойные деревья, чахлыми овощами пестрели какие-то грядки, травы...

Ближайшая деревня в пяти километрах тяжелейшего спуска.

Чистая случайность, что до властей дошла информация о творящемся тут. Какая-то женщина – сумасшедшая, несомненно, сумела сбежать из «обители Зла». Добралась до центра провинции, рассказала журналистам, те опубликовали материал сначала в провинциальных, а потом и в ведущих изданиях. В обществе разразился скандал.

Новоявленную знаменитость-рассказчицу перевезли в Эдембург и допросили уже в ЦУПе – Центральном Управлении Правопорядка.

Некая настоятельница Ирида якобы собирает сирот по всему миру, отбирает подходящих – понимай, одаренных – непонятным пока образом определяя наличие Дара, который, обыкновенно, не проявлялся до полового созревания. И забирает их.

На какие средства?

Для каких целей? Конечно – добрых, добрых целей! Облагодетельствовать, дать крышу над головой, растить и воспитывать.

Так значилось в документах Опекы. Беглая же сектантка рассказала иное.

– Что с ними будет? – спросил молодой страж между затылками, глядя, как детей вереницей выводят за ворота к повозкам и машинам.

– Не наше дело. Мы свою работу выполнили, причем так, что никого не убили, что уже чудо, учитывая этих фанатиков и... детей-зверенышей. Всех взяли.

– А если нет? Если кого-то здесь не было?

Стражи невольно подняли взгляд на нависающий горный массив. Откуда-то издалека доносился грохот водопада или горной реки.

– Эх!.. Порыбачить бы тут! – то ли обреченно, то ли мечтательно выдохнул старший мужчина. – А о детях позаботится Опека. Мы свою работу сделали. – Повторил как мантру и пульнул окурок с обрыва.

Чуть позже случилось именно так, как он сказал. Сирот распределили по приютам, некоторых, в основном самых юных, сразу усыновили и удочерили. Немногим повезло попасть в семьи, пальцев руки хватит перечислить.

Происхождение детей не афишировали, в новых, с пылу с жару документах о пребывании в секте не упоминалось. Но на каждого ребенка завели папку в специальной секции Архива Ордена на будущее, чтобы было.

Сам монастырь «законсервировали». Оборудование перевезли на орденские склады.

Некоторые дети не хотели расставаться друг с другом, в основном те, что постарше, которым уже лет по тринадцать. Таких было всего две пары. Они не кричали, не ругались. Просто держались, вцепившись в руки друг друга так крепко, что не разорвать. Даже сильным мужчинам – стражам – не расцепить.

Хоть режь.

Таких, махнув на них рукой, отправляли вместе. Остальных порознь – для лучшей интеграции в общество.

А пока в глаза детям смотреть было неловко... Или страшно... Не хотелось, в общем.

Завывали ветер меж утесов и неутихающие, приглушенные стенами повозки проклятия настоятельницы – она таки выплюнула кляп.

Крики о Мести, о Каре и Спасении Мира... Да, звучало все с большой буквы, нездорового пафоса хоть ложкой черпай. Чокнутая фурия.

– О! Уже и газетчики слетелись, стервятники. Сенсацию им подавай... – ворчали стражи, заметив поднимающихся в гору мужчин, неуместно облаченных в костюмы-тройки, запыхавшихся, но с блокнотами и ручками наготове. – И не

лень же было переться!..

Не вся свора, но самые зубастые и голодные из них. Как только пронюхали?..
Даже фотомашину из столицы притащили! Попотеть кому-то пришлось.

– Без комментариев! Расступитесь! Вы, двое, расчистите дорогу, чтоб не приближался никто! – отдавал приказы главный группы орденцев.

– Посторонись!

Пока обыскивали монастырь и собирали улики и образцы всего, что возможно, пока грузили воспитателей и кое-какой инвентарь, пока дети наконец выходили за выломанные ворота, солнце успело встать в зенит и не давало различить вспышки переносного фотоаппарата.

Дети озирались, словно впервые оказались за стенами монастыря. Словно впервые видели столько чужих людей вокруг, подъехавший омнибус и вездеходную машину.

Дети держались за руки. Молчали. Смотрели.

*

Спустя восемнадцать лет

...мертвых больше, чем живых, и нас окружают призраки.

Дженни Даунхэм

Рори рисовала пастельными мелками. Цвета выбрала нежные, светлые, несмотря на то что в части парка, где проходил пленэр, скорее преобладали тени, да и солнце уже клонилось к закату.

Она любит свет, и даже тени на ее картинах светлых оттенков синего, сиреневого...

С начала учебы в студии Маэстры Бискотти это уже вторая вылазка с мольбертами за двери самой школы.

В первый раз они ходили на площадь с фонтаном перед Ратушей. На площади этой уже лет сто как никого не сжигали, не вешали и не расстреливали. Поэтому Рори спокойно рисовала грубоватые фасады позапрошлого века, голубей и уводящие в глубь города узкие улочки.

Ну ладно! Без одной дохлой лошади, не пережившей столкновения с автомобилем полгода тому, не обошлось. Один лист оказался испорченным, дар перехватил разум, руку и кисть.

В остальном – Рори пленэры обожала и с нетерпением ждала следующий.

Сегодня она счастлива, и никаким посторонним покойникам не позволит испортить свой день! Хоть вероятность такая и выросла с отъездом Мэлвина.

– Успокойся. Мы же постоянно тренируемся, ты умеешь. Давай, дыши. Живи, – говорил ей Мэлвин – ее экран от мира сего. Экран, вернее, Аврорин, но и Рори он в меру сил помогал.

Сегодня группа из семерых учеников-художников также направилась в исторический центр, на этот раз в парк, квадратом раскинувшийся на границе Первого и Второго районов. От парка с возвышения вели каштановые аллеи к морю.

Когда дар перехватил кисть, снова не поняла. Как всегда.

Мертвая женщина, одаренная, как и сама Рори. Может, из-за этого восприятие и степень напряжения в этот раз столь обострились?

Совсем недалеко отсюда. Женщину оглушили чем-то тяжелым, с каменным или металлическим наконечником. А потом... Рори все отдала бы, чтобы остановиться, не видеть, не запечатлеть на бумаге...

– Вы виноваты.

Никогда раньше Рори не слышала звуков Тонкого мира, тем более человеческого голоса, тем более столь отчетливо произнесенных слов.

– Вы виноваты.

Голос глухой, мог бы принадлежать как мужчине, так и женщине.

– Вы виноваты...

– ... Очнись, Рориэн!

– А?! – Рори вскрикнула, подскочила, роняя раскладной стул. Мелок – голубой, как небо над головами, – выпал из сведенных судорогой пальцев.

– Наконец-то! Посмотри, что ты надела... ла... – Маэстра остановилась взглядом на бумаге, разрисованной Рори.

Заставить даму замолчать, тем более на полуслове, нереально. Маэстра любила вещать, казалось вовсе наслаждаясь звучанием собственного голоса.

Споро подтянулись и остальные ученики, рассматривая, что так повлияло на их учительницу.

– Всевышний!.. – выдохнула одна из впечатлительных девиц. Вторая, еще более впечатлительная, зажав рот рукой, побежала к кустам.

Рори сдернула лист с подставки. Она сама еще не рассмотрела, что на этот раз отобразил ее проклятый дар. Картины увиденного после транса автописьма будто смазывались в памяти, оставалось лишь общее впечатление.

И слава Богам за это! Помнить те ужасы в деталях – Рори точно свихнулась бы. Ну, уж точно больше, чем уже есть...

– Отойдем, – тихо, в отличие от своей обычной манеры говорить громко и внятно, позвала Маэстра.

– Простите, да... – Рори поскидывала ватман и коробочки с красками и мелками в объёмную сумку. Складной стульчик – на плечо.

Очевидно, сегодня ей продолжить рисовать не грозит. Еще и пальцы ломит от пережитого во время транса напряжения.

– Знаешь, вот ты одна из моих самых одаренных учениц, и с техникой все в правильном направлении движется, и все бы хорошо... Но вот этот припадок – уже второй! На каждом пленэре!.. Ты просто невменяемая становишься. Убьешь кого-то – и не заметишь!

Не говорила Маэстра – шипела, как змея.

– Простите. – Рори склонила голову, пряча наливающиеся слезами глаза.

– Так нельзя, Рориэн. Я отвечаю за действия каждого своего ученика, пока они на моих уроках. А твои... приступы, назовем их так, кажутся мне очень и очень далекими от адекватности.

История повторяется. Что в провинциальном Баскервилле, что в столице – ее дар, эти чертовы явления мертвых не дают ей жить!

Вспышка гнева помогла согнать слезы.

– Я поняла. Этого больше не повторится. – Не могла обещать подобного, но дала обещание Рори.

Маэстра двумя пальцами потянула за угол помятый лист, зажатый Рори второпях под мышкой.

– Есть один момент... – протянула, снова замерев взглядом на пастельном рисунке. – Хоть сам процесс выглядит убого, но вот это... В картине что-то есть.

Маэстра серьезно, будто загипнотизированная, всматривалась в бело-голубые линии на плотной бумаге.

– Эти сцены, жестокость, насилие, изображенные столь нежными мазками, нежными красками...

Рори затаила дыхание в ожидании главного вопроса.

Реальна ли нарисованная ею чужая смерть?

Реален ли изображенный человек?

Если так, то жив ли он?

И реален ли второй, который убивает?

– Продать не хочешь? Есть у меня один любитель подобного жанра. Заработаешь неплохо, я за посредничество процентов тридцать возьму.

Что?

– Как? – Рори ослышалась?

– Продаваться, говорю, такие картины будут. Говорю как эксперт. – Маэстра отвела наконец взгляд от рисунка и посмотрела на Рори. – Заинтересована?

М-да... Столица есть столица. В Баскервилле ее сделали изгоем, чуть ли не ведьмой считали. Было однажды – даже камнями бросали, так что Рори пришлось на дерево лезть, чтобы не достали.

А тут – заработать?

Зарабатывают на всем? На чужой смерти в том числе?

– Нет, не заинтересована, – выдавила через спазм, непонятно отчего сжавший горло.

Маэстра небрежно вернула лист, снова приняв свой обычный, слегка высокомерный вид.

– Уговаривать не буду, но ты не руби сразу, подумай. Деньги хорошие.

Рори послушно кивнула.

– И чтобы на моих уроках припадков, или что это у тебя там такое, больше не было. Не вынуждай окружающих смотреть на этот... процесс. Иначе можешь в студии не появляться.

– Я поняла, Маэстра. Простите.

Рори, не прощаясь с группой, направилась к выходу из парка. Быстрым шагом, чтобы убежать и не слышать обсуждения за спиной.

Этот шепот, эти взгляды, столь привычные по Баскервиллю, настигли ее и в Эдембурге.

Черт, черт, черт!

Рори со злости пнула мелкий камушек, валяющийся на аллее. Хотела пнуть, но промазала, просто шаркнув носком туфли по грунтовке.

Никогда ей не удавалось быть «своей» в каком-либо обществе. Всегда отдельно, лишь в кругу семьи. Всегда чудачка и одиночка. Но зато ей удается быть собой, хоть и не без потерь, и не без травм.

Опасное это дело – быть верной себе... Усложняет жизнь.

Искать другую студию? Но время поступительных испытаний уже закончилось, конец октября...

Шла, печатая шаг и не оглядываясь по сторонам. Складная табуретка на длинном ремешке свисала с плеча и била под коленки при каждом движении.

Надо сообщить.

Или не надо?

Может, не надо? Что она скажет? Может, ей и не поверят?

Сообщать или нет?

Рори длинно выдохнула и сбавила шаг. Дойдя до скамейки, остановилась. Развернула скрученный в трубку рисунок, взглянула нехотя, исподлобья.

Содрогнулась. Скрутила бумагу и двинулась дальше медленно. Обреченно.

В городе ориентировалась уже неплохо, так что общественный Телефонный кабинет нашла быстро. Опустила монетку в проем, набрала четырехзначный номер, который крупным красным шрифтом был выведен на плакате на противоположной стене.

На нем гласило: «На страже твоего спокойствия! На защите великой Империи Амстен! Стоит Орден Правопорядка!» И мужчина в черной форме, с гордо поднятым квадратным подбородком, сверкая улыбкой во все зубы.

Кто их только придумывает, эти плакаты?.. Кто рисует? Имени художника не стоит, а было бы любопытно узнать.

Треск, тишина... Громкий противный гудок, второй...

– Срочная линия Ордена Правопорядка слушает, говорите.

– В центральном парке, недалеко от Третьей липовой аллеи, убита женщина. Вчера ночью. Ищите ее ближе к оврагу, она... там... – Рори задержала дыхание, чтобы вместе с ним не вырвался непрошенный всхлип.

– Назовите свое имя! Откуда у вас информация?

– Ее...

– Назовитесь!

Пару раз промазав мимо крюка, Рори повесила трубку.

Все. Ее задача выполнена. Взятки гладки.

Перед выходом из кабинета еще раз взглянула на улыбчивого стража на плакате.

– Вот и охраняй! – пробубнила под нос.

Дверь хлопнула за спиной, закрываясь.

Имени она не называла, так что и совесть успокоила, выполнив общественный долг, и не засветилась. Лишнее внимание ни ей, ни ее семье ни к чему.

Только переехали в этот город, и сразу славу «Мертвяцкой девчонки» приобретать? Нет, спасибо. Хватило опыта в провинции. И прозвище это гадкое вспоминать тем более не хотелось.

День испорчен. Но дома ждет теплая печка, шарлотка из мелких кислых яблок, собственноручно собранных в саду... Вспомнив об этих приятностях, Рори уже бодрее направилась домой.

Через весь центр, петляя между спешащих прохожих по старинным улочкам, меж которыми вдали то и дело мелькала синяя полоска моря.

Загорались газовые фонари. «Синий час», как здесь называли время примерно с семи вечера. Небо в это время приобретало глубокий, особенно яркий синий цвет, и оранжеватые круглые фонари на этом фоне выглядели висящими в воздухе апельсинами.

Сама столица казалась огромным, неизведанным океаном. Эдембург – кто не мечтает о нем? Заполучить хоть толику славы, урвать богатства, жить в этом блеске?

Рори не мечтала, и без столицы жизнь достаточно сложна.

Вряд ли ее семья когда-либо осмелилась бы сюда переехать, но приемные родители получили неожиданное повышение, а с ним и назначение – исследовать состояние экологии в мегаполисе и его окрестностях.

Уровень загрязнения вырос неимоверно, буквально – витал в воздухе. Чтобы это увидеть и почувствовать, медиатором быть необязательно.

Индустриализация идет полным ходом. Города стремительно растут. Омнибусы и автомобили медленно, но верно вытесняют повозки, а рынок технических новинок являет новые изобретения чуть ли не каждый месяц. Чего один телефонный аппарат стоит? А дирижабль? Холодильный шкаф?.. Новомодные спички эти, которые «Безопасные»...

Особенно Рори потрясли Фотоизображения, увиденные на выставке уже в столице. Запечатленная жизнь, вот как картина, только абсолютно точная копия реальности. Невероятно! Остановили момент, остановили время и перенесли на бумагу.

У Рори закралась далекая мечта, что когда-нибудь у нее появится возможность приобрести свою личную портативную фотокамеру!

Хотя ее и не тянуло в человеческий муравейник по имени Эдембург, но и оставаться одной в их провинциальном городишке она не захотела. Расстаться с Авророй и Мэлвином, с ее единственной семьей и оплотом спокойствия? Ни за что! Мэлвин не только экран Авроры, но и саму Рори в весомой степени закрывает от информации из Тонкого мира.

Вот как сегодня в парке. Если бы Мэлвин был рядом или хотя бы вчера Рори имела возможность подольше побыть с ним рядом, то сегодняшнего прорыва не случилось бы!

Скорее всего... А может, и нет. Может, и Мэлвин ее бы не спас.

Слишком страшная, слишком рядом и недавно случилась та смерть в парке.

Смерть. Убийство! Первое, увиденное Рори.

– Переезд может стать проблемой для тебя, – говорил тогда Мэлвин на семейном совете за вечерним чаем. – И у тебя есть выбор, в отличие от нас. Приказали – едем. Тебе же никто приказывать права не имеет, можешь поселиться, где душа пожелает, и жить спокойно.

Что есть, то есть... Свои загребущие руки Система к ней пока не тянула. Главным образом потому, что дар Рори считали непроявленным. Поспособствовал тому, чтобы «наверху» считали именно так, опять же, Мэлвин.

– Поскольку мы все равно будем часто путешествовать, то могли бы с той же регулярностью навещать тебя в Баскервилле.

Рори тогда взяла время на обдумывание.

Честно вертела ситуацию и разные ее пути развития два дня. Интуиция подсказывала, что столица и в самом деле не лучшее место жительства для медиатора с ее даром.

Мэлвин с Аврора ненавязчиво выпускали ее в свободное плавание. Рори это понимала. Не сказать, чтобы сильно радовалась или предвкушала, потому как опекуны и раньше ее особо не контролировали, не указывали, что делать и как, но... боязно было, что таить.

Остаться одной – боязно. Жить в столице, также частенько оставаясь без экрана и поддержки близких, – боязно вдвойне.

Но и вынуждать опекунов жить на два дома – начало конца их семьи.

А они втроем – именно семья!

Может, Рори не из тех, кто точно знает, чего хочет в жизни, зато она из тех, кто абсолютно точно уверен в том, чего НЕ хочет. Остаться одной в этом списке стоит первым номером.

Живем с тем, что есть. Так, через пару месяцев, к концу лета, семейство Мэй перебралось в Эдембург – прославленный город из серого камня, подножья которого ласкают волны Северного моря, а в самом крупном порту на

континенте реют сотни парусов торговых судов со всего мира.

Не в характере Рори долго предаваться унынию, тем более – поддаваться страхам. Она не растерялась и к сентябрю не упустила шанс поступить в одну из столичных художественных студий, в одну из самых престижных, в которую брали за талант, не за толстые кошельки родителей. Последних, кстати, – ни родителей, ни, соответственно, их кошельков, у Рори и ее опекунов не было и в помине. Зарабатывали сами, жили бережливо.

Да и «опекуны» – звучит чересчур солидно. Постоянно немного резало ухо, когда Рори слышала это слово, а другого и не найти.

По возрасту Аврора и Мэлвин ненамного старше своей подопечной, каких-то семь лет. Приемные родители – по документам. На самом деле, скорее старшие брат с сестрой, умудрившиеся выцарапать маленькую Рори из жерновов Опекы.

Жизнь в Эдембурге ожидаемо оказалась не из дешевых.

Подходящее жилье искали долго, перекапываясь во время поисков в пригородном хостеле. Снять удалось лишь крохотную квартиру на границе районов – относительно благополучного жилого и откровенного спального района для заводских работяг.

... Рори дошла до дома и полюбовалась на фасад. Нравился он ей, несмотря на то что старый.

Двухэтажный коттедж разделён на четыре квартиры. Узкий и будто бы заваливающийся влево дом выглядел как худощавый, закаленный ветрами и дождями старик в полосатом, из-за чередующегося белого и красного кирпича – пиджаке.

Их квартира крайняя, рядом растет высокий раскидистый клен, и – самое главное преимущество! – на заднем дворе есть небольшой садик, с одной старой, трухлявой яблоней и двумя кустами шипастого крыжовника. Махонький двор огорожен от улиц и соседних домов кирпичным забором, обросшим плющом.

Садик был заброшенным и неухоженным, как и само жилье. Если две из четырех квартир коттеджа находились в середине, с обеих сторон обогреваемые крайними квартирами, то те самые крайние дополнительного обогрева не получали.

Владелец перед сдачей честно предупредил, что зимой в трубах, бывало, замерзала вода, а на стенах от влаги и перепадов температур трескалась штукатурка и разрасталась плесень.

Когда они все же решились снять это место, то первым делом затеяли ремонт и уборку, ибо жить в тех условиях могли разве что голуби.

Выметали и выносили мусор, завязав нос и рот платками, чтобы хоть как-то дышать, а не кашлять и чихать непрерывно. Мыли, сдирали старые плесневелые покрытия... Снова выносили мусор и снова чистили.

Дня три все трое выглядели дикарями с гор – растрепанные, грязные, чесавшиеся: помыться, кроме как в ведре в саду, невозможно, воду пришлось отсоединить, пока заменялись трубы.

Вот когда порадовались, что квартира небольшая! Работы меньше. Счастье бедняков, что называется.

Львиную долю ремонта проделывал, конечно, Мэлвин. Рори у него на подхвате. Аврора же быстро сбежала приводить в порядок сад: растения – ее профиль, и на пыль она реагировала чувствительнее, нежели Мэл с Рори.

– Давай, стены просто белой краской покрась – и все, без твоих этих теней, завихрений и прочего. Хорошо?

– Да, конечно! – отмахнулась, не отвлекаясь от отдраивания деревянного пола, Рори.

– Следи за ней! – Аврора кричала с улицы, но поскольку двери и окна открыты, то слышно отлично. – Как увидишь, что движения стали дергаными, ну ты знаешь, как это у нее выглядит, сразу останавливай. Чтобы потом не пе... перед... апчхи-ии!.. делывать все заново.

– И краски все убрать, чтобы в зоне досягаемости только белая была.

– Не недооценивай ее изобретательности, она белый с пылью смешает и получит серый. – Аврора поднялась на крыльцо и остановилась в дверях, оглядывая большую комнату с печкой в углу, как генерал обводит взглядом будущее поле боя. – Глаз да глаз нужен.

– Ей! Я умею себя контролировать! Почти всегда... – встряла Рори.

Мэлвин покивал тогда, отворачиваясь, чтобы спрятать улыбку. Аврора проделала то же самое.

Рори все равно их ухмылки видела, но сердиться не получалось.

– Вы думаете, в нашем доме кто-то умирал мучительной смертью? – уточнить никогда не лишне.

– В официальных документах этого нет. Но трупы мышей на стенах нам тоже без надобности.

Подтрунивая над Рори и ее непростым даром, они тем самым будто умаляли его груз на ее плечах. Отношение Рори к своей особенности также становилось оптимистичнее. Этакое трагическое веселье, благодаря которому она смотрела на себя и жизнь легче, могла оценить все ее оттенки, не только темные, которые так и норовили перекрыть все светлое.

Шутки – отличный способ ненавязчивой борьбы со страхами.

Как показало время, ремонт они сделали качественный, и трубы поменяли не зря, и дровами запаслись вовремя. Осень выдалась в этом году дождливая, зиму предсказывали морозную.

В отличие от окруженного лесами Баскервилля, столица намного ветренее. Частенько пробирало до костей даже в самых теплых одеждах, отчего и попрошаек с бедняками на улицах не водилось – замерзали. Вымерзали.

Квартира тем временем успела стать настоящим домом – уютным и теплым.

... Рори открыла дверь, бросила ключ на узкий столик под вешалкой. С удовольствием втянула в себя запах дома – выпечки, тепла, древесины... Скинула с плеч котомку с рисовальными принадлежностями, набивший синяки на ноге складной табурет, стянула узкие туфли, плащ и со стоном бухнулась в кресло.

Все. На сегодня она план выполнила и перевыполнила. Ничего больше делать не будет!

Горячее умывание, теплая пижама и спать... а! Чай с шарлоткой еще.

Одна дома. Тихо так, непривычно. Когда Мэл с Аври здесь, постоянно шум, кто-то чем-то гремит, чем-то занимается, готовит, песни голосит...

Аврора и Мэлвин часто отсутствовали иногда по паре дней, иногда неделю. Мотались по всей стране, по крупным городам, по старым и новым месторождениям полезных ископаемых, по цехам, заводам, горам, долинам и шахтам.

Стабильных одаренных, работающих в паре, контролирующих свой дар, тем более стоящих на учете у Совета и готовых выполнять работу по профилю, – катастрофически не хватает на необъятные просторы их государства.

Рори в их отъезды сидела тихой мышкой дома, стараясь ограничить передвижения. Дом – студия – дом, и до сегодняшнего пленэра ничего страшного не случилось.

Рори, приученная, что неприятности ходят парами, а то и группами поболее, сплюнула три раза через левое плечо, на черта лысого. Хоть бы обошлось!

Хоть бы сегодняшний транс не повлек за собой никаких страшных последствий!

Хоть бы люди не умирали, хоть бы их не убивали!

Как хорошо бы было тогда Рори!

Двадцать три года она живет тихой, затворнической жизнью. Но не было и дня, чтобы она пропустила ритуал сплевывания через плечо и не загадывала три «Хоть бы!..»

Пока пила чай, снова вспоминала и скучала по родным. Они вдвоем уезжали, Рори оставалась одна. На этот раз на полторы недели.

– Веди себя хорошо, – тоном строгой родительницы наставляла перед отъездом Аврора. – Заводи друзей, отрывайся в танцевальных залах, напейся обязательно, меру твою мы выяснили, так что не опозоришь нас личиком в салате.

– Балуй и бузи! – нахмурил брови Мэлвин.

– Что же это с людьми-то творится?.. Серьезные вроде госслужащие. – Рори махала рукой, провожая. Всегда смотрела вслед до последнего, пока две фигуры не скроются за поворотом.

– В мире это называется «веселиться», старушка ты наша. Слышала о таком, нет?

В этом все они – веселые, несмотря ни на что. Их наставления и сейчас заставили Рори ухмыльнуться уголком губ.

– И улыбаться не забывай!

– Кушай вовремя!

Рори улыбнулась и откусила от здорового куска шарлотки. Она послушная девочка, когда требования совпадают с ее собственными желаниями.

*

Неважно, какими призраками вы населяете ваш мир. Пока вы в них верите, они существуют, пока вы с ними не сражаетесь – они не опасны.

Дж. Роджерс

Скрип калитки и требовательный стук в дверь. Та задрожала под натиском – вслед за ней и Рори.

Кто пришел – поняла сразу. У всех поступков есть последствия.

Не обошлось. Наивно было думать, что ее звонок не отследят, что в огромном городе не найдут звонившего.

Не успела дойти в прихожую, чтобы отпереть дверь, как ту с ноги выбили с другой стороны. Черные униформы появившихся стражей мимолетно напомнили того улыбчивого, с плаката «На страже твоего спокойствия!».

Двое мужчин стремительно вошли в узкую прихожую и остановились лишь заметив Рори на середине лестницы на второй этаж.

Незванные – век бы их не видеть! – визитеры выдернули Рори из ванной комнаты, оторвав от снятия макияжа. Один глаз уже чистый, второй в процессе. Одна сторона лица – девушка-подросток, вторая – женщина экстравагантная. Вдобавок на ней ее любимая пижама – вязаная, желтая, с мягким хвостиком на уровне копчика и зайкиными ушами на капюшоне. Аврора связала.

– Страж Хаффнер, младший помощник Вовин. Извините за вторжение, – произнес Страж постарше, аккуратно прикрывая за собой дверь. Та закрылась неплотно, замок выломали.

– Вы одна здесь проживаете?

– Родители в отъезде. – А что скрывать? Все равно Орден узнает.

– Мы вынуждены проверить дом. Разрешите? – Разрешения страж Вовин как раз не ждал, беспрепятственно пройдя вглубь дома.

И что проверять? Что ищут? Думают, будто у Рори здесь склад запрещенных снадобий или забальзамированные трупы по углам расставлены?

Старший, Хаффнер, сверлил Рори взглядом, но, в общем-то, обстановка оставалась спокойной. Насколько это возможно в данных обстоятельствах.

- Эй, смотри сюда! Похоже, наш субъект!

Страж вернулся в прихожую, в руках держал открытой папку с эскизами, бездумно брошенную Рори в гостиной.

На страницах – пейзажи, а также люди живые и люди мертвые. Сцены убийства с сегодняшнего пленэра. Лицо убитой вырисовано с такой точностью, что невозможно не узнать или спутать.

- Вам придется пройти с нами в участок для выяснения некоторых вопросов.

- Это просто рисунки, я не имею к убийству никакого отношения... – Голос прозвучал как у малохольной какой-то. – Я и женщину эту не знаю, в жизни ее не видела!

- А почему так уверены, что именно убийство?

Рори подавилась воздухом.

- Как же вы картинку-то нарисовали, если не знаете и не видели ни разу?

- ... в жизни, – вставил второй страж.

- Да не хочу я это рисовать, совсем! Оно само вылезает... – вспыхнула Рори. Довели. Картинка!.. Скажет тоже!

- Смирительные рубашки наконец-то пригодятся! – радостно заметил младший помощник Вовин. Помнится, весь отдел смеялся, когда по указанию сверху им в обязательном порядке «посоветовали» в служебных повозках держать с десятков для «непредвиденных сложных случаев».

- Да что тут смирять? Барышня, и как только укокошивать силенок хватило? – Страж Хаффнер уже стоял у Рори за спиной, уверенно помогая ей преодолевать

последние ступени лестницы. Поддержка – конвой? – не лишние: ноги Рори совсем ватными стали.

Она упрямо поджала губы. Что объяснять? Врать? Говорить правду? Ей в любом случае не поверят! Тем более эти двое весельчаков.

Следовало сразу сжечь эскизы, чудовищные образы чужих смертей. Поджечь с одного края и, извинившись, может – прочитав молитву, позволить им исчезнуть навсегда.

Рори же, мало того что сегодняшняя рисунки сохранила, так у нее в комнате на втором этаже целый склад подобных, привезенный с собой из Баскервилля.

Ее темный груз.

Тоже рука не поднялась уничтожить, хоть там и менее страшные смерти изображены и чаще животных, нежели людей. А если людей, то умерших своей смертью или же в несчастных случаях.

Сейчас расплачивается за свою мягкотелость.

Может, воспользоваться возможностью и крикнуть этому Вовину, чтобы сбегал наверх за остальными? Забрал всю коробку с проклятыми рисунками, избавив Рори от необходимости хранить их еще черт знает сколько времени?

Кроме всего прочего, коробка не хилых размеров, еще и места в ее небольшой комнатке занимает порядочно. Спотыкайся постоянно... Как в прямом, так и в переносном смысле.

– Что? И без истерик? – уточнил страж Хаффнер над ухом, застегивая наручники.

– А помогут?

– Нет, – расплылся в улыбке, отчего его темные аккуратные усы растянулись подобно гармошке. – Умница какая! Звиняй, протокол соблюдать надо.

Улыбаться в ответ не тянуло.

С закованными руками Рори позволила увести себя из квартиры.

Страж, что помоложе, кое-как закрыл дверь, подперев снизу щепкой от полена и прицепив к замочной скважине эмблему Ордена, чтобы отбить желание нагреть руки в чужом жилище.

– Дверь починят утром. Орден возместит ущерб.

На улице он помог Рори забраться в карету. Сидела, зажата между двух мужчин, разглядывая выкрашенную в черный цвет стенку потрепанного фургона. Благо хоть в нем никто не умирал... Хотя какая разница?

Когда руки закованы за спиной, не порисуешь, даже ее дар не найдет лазейки, чтобы заставить увидеть и запечатлеть.

А кстати? Чем не решение? И как ей такая мысль раньше в голову не пришла?

Рори фыркнула.

Стражи покосились с обеих сторон настороженно.

Трясло знатно. И собственная нервная дрожь тела усиливалась тряской не особо комфортабельной повозки по ухабистой дороге.

– Так невиноватая, говоришь? – подал голос Хаффнер.

– Да.

– Одаренная?

Рори посмотрела на старого стража.

– Ну.

– Не трясись. Есть у нас кое-кто по твоей части. Резберемся, что к чему.

– Ага, спец наш всех успокоит... – гоготнул молодой.

Что они привязались с этой одаренностью? Все мы одаренные, кто больше, кто меньше.

– Я еду с вами по доброй воле, ничего плохого я не сделала. И в любой момент могу потребовать защитника.

– Вот и разберемся, что сделала, что нет и что из этого есть плохо.

Орден Стражей Порядка Амиран – О.С.П.А. Как официальное сокращение, так и прозвище в народе.

Четыре слова, вводящих простое население в трепет.

Их главное здание недалеко от порта, похоже на серую глыбу утеса, нависшего над морем.

Рори боялась, сильно боялась, что в Управлении ее накроет по полной.

Сколько у них там людей умерло? Скончалось? Казнилось?.. Наверно, и пыточные камеры имеются. Может, до сих пор в употреблении...

Подготовилась как могла, собрала крохи оставшегося от Мэлвина спокойствия и уверенности, выстроила из них ментальную стену, выровняла и сосредоточилась на дыхании.

Страх может быть и союзником! – слышишь, Рори? Трусливая девчонка!

Как ей не хватает сейчас Мэлвина и Авроры! Были бы они дома, не дали бы стражам так просто ее увести. Или пошли бы с ней. В общем, было бы гораздо лучше!

Не так страшно как сейчас.

А если ее запрут в камере на сутки? Окруженной со всех сторон эманациями чужих смертей?

– Вы можете проверить меня с помощью медиатора соответствующего профиля? – рискнула спросить. А вдруг?

– У нас в отделении таких специалистов нет, – отрезал страж Хаффнер. – Работаем по старинке, мозгами да ногами.

– И одаренных нет. Ваш брат смотрит, где посытнее да потеплее, – добавил Вовин. – Что им в Орден переться? Дураков нет.

Да, дураков нет... Одна Рори.

Ночь, в коридорах пусто. Только на входе у ворот стояли охранники. На них пижама Рори тоже впечатление произвела.

– Вас Эдам точно вот за этим посылал? – неверяще спросил страж на пропускном пункте.

– Внешность обманчива, – нарочито серьезно ответил Хаффнер.

Коридоры, множество дверей без каких-либо табличек и опознавательных надписей, тусклое освещение. Лампочки как будто намеренно мигали, причем, мигали вразнобой, чтобы еще больше нервировать «гостей заведения».

Как говаривали в Баскервилле: «Чтоб жизнь медом не казалась!»

– Жди здесь, – короткий приказ – и Рори осталась одна.

Холодно. Темно, лишь полоска мигающего света из-под двери.

Рори так устала, и каморка, в которой ее оставили и заперли – ручку подергала из принципа! – оказалась вдруг не такой и страшной.

Потопталась на месте, пока глаза привыкали к темноте, прислушиваясь к ощущениям.

Тихо и даже – не верится – в какой-то мере... спокойно...

Рори плотнее закуталась в выданный Хаффнером тощий плед, присела на стоящую в углу скамейку и закрыла глаза.

Почему здесь так уютно?

В сладкий сон проник низкий голос. Строгий, он что-то говорил и требовал.

– А?

Голос продолжил бубнить над головой.

– Я сегодня не пойду... – куда? – и сама не знала.

Всей душой и всем организмом не желала выныривать из такого долгожданного, чистого, не замутненного ничем идеального сна.

– Рориэн Мэй, вставайте. Это приказ. – Голос приблизился и продолжил настаивать.

Не-ет...

– Сейчас же!

Она давно так не спала. словно мед и облака как слоники, легкие, мягкие...

Так вот такая это жизнь, которая как мед... Только сейчас в полной мере выражение то деревенское прочувствовала.

– Поднимайтесь! – прозвучало громко над ухом.

Рори подскочила, с трудом удержав равновесие и не свалившись на пол.

- Щас... встаю.

- Воды? Облить?

Рори распахнула глаза и тут же сощурилась от яркого света. С трудом выпрямила затекшее тело, потянулась, потеряла глаза.

- Где?.. Ах, да. Я ж в тюрьме-ее. - И по мере осознания все прибавляется удивления в голосе.

- Пока нет.

Подняла голову и наконец-то разглядела недоброго человека, заставившего ее вернуться в реальность. Та, по обыкновению, не столь сладка, как сон.

Не мед. Нет.

Еще один страж.

Вялые спросонья мысли вынесло, но и страха не было. Блаженная тишина со сладким привкусом из сна.

Надменный - определение, которое первым просилось на язык при виде одетого в черный мундир мужчины. Прямой, большой, застегнутый не то что на все пуговицы, но будто и замки иллюзорные, и стены высоченные на подступах к этому человеку путь преграждают, не пробьешься.

Весь в черном. И взгляд черный.

Рори выдохнула, да так, что, казалось, полностью опустошила легкие. Обняла себя руками за плечи, враз ощутив холод и жесткость скамьи.

- Сколько времени?

- Четыре утра.

Первая реакция изнеженного сном разума: что за изверги – будить в такую рань?!

Вторая – подумать, а почему, собственно, вообще дали заснуть? В таком-то месте?

Не ожидали? Думали, что будет сидеть и нервничать, ногти грызть подследственная? Ха! Рори и не такое может.

Или просто ждали этого конкретного стража, чтобы начать допрос? Помнится, когда везли, упоминали какого-то спеца...

Рори не удержалась от еще одного быстрого взгляда на него.

– И что теперь? – Может, ей завтрак полагается? По закону?

– Мы поговорим.

При свете Рори увидела, что каморка не такая и маленькая, как показалось ранее. Посередине стоял железный стол, два стула по обе стороны, один у двери. Как она вчера только не навернулась о него?

– Присаживайтесь, не стесняйтесь.

Поднялась и пересела со скамейки на один из стульев, напротив стража.

Зубодробительный скрип железных ножек о железный же пол, когда чуть подвинула стул к столу, заставил дернуться и снова поднять глаза на стража. Проверить, не скривится ли бесстрастное лицо от шума?

Сидит, смотрит неотрывно и холодно. В темном мундире, темный-темный взгляд из-под черных бровей, губы сурово сжаты. Не похож он на привлекательного стража с плаката. Тот блондин был и улыбочивый... Соврал художник! Нет в том плакате правды жизни!

Умеет ли этот вообще улыбаться? Как-то выражать эмоции?

А надо ли ей это знать? В серой, отделанной металлом допросной Ордена.

Страх какой!

Должен быть...

Ан нет его... Почему-то.

Не хотелось на него смотреть. Или хотелось слишком сильно, и поэтому нельзя?
Лучше не надо?

Рори заставила себя выпрямиться.

По жесткости стул превосходил даже скамейку, на которой умудрилась заснуть.
Все бока отлежала, а сквозь сон не почувствовала.

И все же странно так. С чего ей спать тут сном младенца?

– Скольких вы убили?

– А?

Посмотрела и тут же отвела взгляд, уставилась на свои руки. И чего она так смущается? Что он там спрашивает?

– Повторите, пожалуйста?

Секундная пауза, и:

– Где, когда и почему вы нарисовали это убийство. С самого начала.

Вот хоть плачь! Или дерись! Или и то, и другое одновременно. Соображать надо,
а не вязнуть в темно-кофейно-горьком спокойствии, наполняющем комнату.

Самое поганое, что Рори так небывало хорошо здесь, в помещении без окон,
откуда каждый адекватный человек и даже не самый адекватный медиатор из

всех сил стремились бы поскорее исчезнуть!

Она в допросной! А ощущает легкость и безопасность. Не было ей еще за все сознательные годы ни разу так... как сейчас.

Все. Полный, как говорят в Баскервилле, капец.

Говорить о запечатленном в Тонком мире вот совершенно, совершенно! – не хотелось. Именно сейчас.

И почему у нее всегда все настолько из ряда вон? Так неправильно? Криво и косо?

От контраста, из-за несостыковки внешнего и внутреннего в душе и разуме царил полный бардак.

Рори помолчала еще пару мгновений, собираясь с мыслями, и начала рассказывать.

Между плачем и кулаками выбрала привычный средний путь – правду.

– Мне дано рисовать смерть. Помимо воли дар перехватывает контроль, если где-то вблизи кто-то когда-то умер. Трагично или нет... Чем страшнее смерть, тем сильнее транс. Я рисую то, что показывает Тонкий мир. Эфир. Нас называют одаренными, но на самом деле мы слабые места, через которые прорываются вещи из... других слоев. Так я это ощущаю. На пленэре в парке это и произошло.

Страж слушал молча, не перебивая, а Рори вдруг разошлась не на шутку, откровенничая, как прежде лишь с родными себе позволяла.

– Убийство видела впервые. Это всегда неприятно, – непроизвольно поморщилась. – Сколько уж живу с этим, а так и не привыкла. И вряд ли когда-то привыкну.

– ... Смерти животных от хищников, смерти детей от болезней, стариков от старости... А с убийством, жестоким, не из необходимости пропитания, как у хищников, а... не могу в словах выразить... я тогда вообще из реальности

выпала. И четко все, вплоть до запаха – морозной земли, прелых листьев и крови. Страх и дыма. И горелой плоти... Голос слышала тоже впервые, как реальный, как над ухом у тебя произносит: «Вы виноваты, вы виноваты»...

Пауза, лишь чтобы воздуха в легкие набрать и продолжить делиться. Спешит, говорит запинаясь, будто кран словесный отвинтили, и слова, как застоявшаяся вода, вырываются с воздухом и ржавчиной из давно не используемой трубы.

– Вот вроде и знаю, что в самом деле реально и то место, и те люди, и, значит, и голос, который обвинял. Но так рядом, настолько близко с этим столкнулась впервые. Чтоб на собственной шкуре... Почему в этот раз так сильно?

Страж наблюдал нечитаемым взглядом. Рори смотрела в бездонные колодцы чужих глаз, ожидая реакции, хоть какой...

Дождалась. Мужчина придвинулся чуть ближе, наклонившись над разделяющим их столом.

И Рори смогла выдохнуть.

– Из-за того, что близко. И по времени, и по расстоянию. И настолько жестоко ее убили, – сама себе ответила, не отводя взгляда от глаз напротив.

– Или потому, что вы обе – одаренные.

Рори непроизвольно отшатнулась. И неуютно стало оттого, что с убитой у них еще кое-что общее, кроме пола. Не сравнивала себя с ней, и в голову не приходило делать подобное.

Смерть любого существа оставляет отпечаток, а существа одаренного, наверное, и после гибели сильнее влияет на окружающее пространство? Не след, а язву в мире оставляет?

Просто Рори доселе не сталкивалась.

– Расскажи, что узнала о жертве. Во всех подробностях.

- Возраст - лет двадцать пять, волосы длинные, темные, красивая очень... была.

- Что-нибудь, что мы не выясним обычными методами. Странное или показавшееся неестественным?..

Долго думать над вопросом не пришлось:

- Она не убегала. Поначалу будто замерла. Даже не вскрикнула от неожиданности, когда он подошел со спины. Дальше было быстро, очень-очень быстро... Удар и все.

Не могла она даже вымолвить этого.

Да и стражи на что?! Сами узнают, как именно убили ту женщину!

Страж настаивать не стал, спросил о другом, однако не менее неприятном.

- Ты видела убийцу?

- Все, что я видела, перенесла на бумагу.

- Его лица нет.

- Значит, не видела. - Рори обхватила себя руками: выговорившись, она одновременно почувствовала и опустошение. - Так я свободна? Никаких обвинений больше, подозрений?

- Еще нет, не свободна. Поездишь со мной.

- Куда?

Видимо, вопросов с ее стороны не предполагалось, потому что страж - как же, в конце-то концов его зовут-то? - стал мрачнее прежнего.

- По городу.

- Зачем?

- Проверить.

- Что?

- Места убийств. Подозрения.

- Чьи?

- Ордена, - рыкнул, с усмешкой на губах. И наклонился близко, чтобы глаза в глаза - с разгону.

Ура! Ура! Вот он, ее шанс.

Сейчас или никогда!.. Пока еще держится та малюсенькая брешь в его стене, пока у Рори получилось чуть заглянуть за нее...

Четко не обдумав дальнейшие слова и действия, Рори бросилась в омут с головой:

- Что мне за это будет?

Приспосабливаться умеет, это качество у нее не отнять.

Взгляд стража тяжелеет, продолжать смотреть - требуется вся отвага, что есть у Рори.

Его глаза так близко и такие колючие.

- Ничего не будет, не бойся.

Наверное, не так ее вопрос понял?

Или издевается?

Недоброе подозрение закралось, но Рори откинула его, продолжая гнуть свою линию.

Ей это нужно. Сильно.

– В смысле, у меня есть условия.

– Помощь Ордену в расследовании по умолчанию входит в базовые обязанности любого гражданина Империи.

Бла-бла-бла. Кому входит по умолчанию, а кому, по нему же, не входит.

Еще и Кодекс цитируем. Он серьезно?

– Я свой долг выполнила, сообщив о месте преступления.

Темные брови приподнялись.

– Да. Я... мне... – слова застряли в горле. Вот надо было обдумать порыв до того, как озвучивать!

Как сказать, как попросить о таком? Что хотела бы, чтобы ей дали здесь спать время от времени? Раз пять в неделю? Потому что, видите ли, она в допросной этой отдохнуть может, как в собственной кровати не отдыхается?

Такими темпами ее точно в Желтый дом упекут.

Темный, внимательный взгляд, повисшая неловкая пауза.

И тут он потянулся через стол и взял ее за руку.

– Так? – показалось, или его голос дрогнул.

Рори уносило. Чистое, незамутненное счастье заструилось по венам, разгрузка, словно она младенец, впервые увидевший совершенный и прекрасный мир.

Исчезло ощущение собственного тела, понимание ситуации, разум... где-то витал... высоко, далеко...

- Потому что может быть и вот так. - Страж отпустил ее ладонь.

Рори сделалось сначала просто неудобно, потом зябко, волосы на затылке поднялись дыбом. Тело заколотило крупной дрожью.

Спокойствие? Уют? Ха! Воздуха - и того перестало хватать.

Рори задыхалась. От страха, от безысходности. От надвигающегося приступа. И что, что красок нет? И кисточек? Пальцами, кровью собственной на покрывающем стены железе рисовать будет.

Может, и глупость все это, с переносом на бумагу?.. Чисто ее изобретение, подушка такая, чтобы полегче было?

Сейчас казалось, что глупость ненужная. Будет видеть, будет пропускать через себя, переживать чужую смерть. И не облегчат ей это переживание бумага и краски.

В ней все останется, не вне.

Теперь она узнала, что из себя представляет здание О.С.П.А. на самом деле.

Да, здесь умирали.

Да, здесь пытали. Мучались. Страдали.

Заслуженно или нет, не имело сейчас никакого значения.

Рори ломанулась к двери и задергала ручку. Заперто.

Ее охватило чисто животное стремление спрятаться, убежать отсюда.

Дерись или беги? В этот миг на первое она не способна. Только забиться в какую-нибудь щель и переждать, боясь дышать.

Все кончилось так же внезапно, как и началось.

Казалось, длилось вечность, на деле – минуты две.

Рори обнаружила себя скукожившейся в дальнем углу.

Страж на коленях перед ней. Вплотную. В глаза ему Рори не смотрела. Боялась.

Смотрела на его ладони, что распластались по сторонам от ее ног. Большие, со сбитыми костяшками.

Их первое прикосновение Рори запомнит на всю жизнь. Такое прекрасное. Разбивающее вдребезги. Он держал в своих пальцах ее душу.

– Прости, – произнес тихо.

Их типичные методы? Так Орден работает с медиаторами? С теми, кто несговорчивый? Дают кусочек рая, воплощение мечты, а после бросают в ад.

Как он может? Сам же одаренный!

– Не буду работать на Орден, – прохрипела.

– И не надо. Сотрудничать, когда иначе никак.

– Взамен...

– Взамен я буду твоим экраном. Подпишем соглашение, все по правилам. Как и полагается.

– Разве так полагается? – подняла на него слезящиеся глаза. Именно так – не слезы, а просто защитная реакция организма, в частности – слезных желез.

Не покажет слабость. Несмотря ни на что, у нее есть гордость.

Гордость...

Словно со стороны увидела себя... в пижаме, с одним накрашенным глазом, а вторым... Слезы полились с удвоенной силой.

Рори понятия не имела, как связка медиатор-экран работает в их обществе, как это устроено, в смысле – законодательно.

Перед глазами лишь пример Авроры и Мэлвина. А у них все по любви. Не по закону.

Еще и торговалась! Боже ж ты мой! Вот как можно быть такой глупой?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/murri_aleksandra/teni-amiran-chernyy-rycar-dlya-nezhenki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)